

**ХУАНО
КОРТАСАР**

Свиста взвояет

Возьме тебе такое не приснится...

СТИЛЬ
НОВЫЙ

Хулио Кортасар

Закатный час Мантекилы

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155996

*Хулио Кортасар «Сиеста вдвоем», серия «Новый стиль»: КРИСТАЛЛ;
Санкт-Петербург; 2002*

Аннотация

«Сиеста вдвоем» – коллекция избранных произведений классика мировой литературы аргентинского писателя Хулио Кортасара (1914 – 1984). В настоящем издании представлены наиболее характерные для автора рассказы, написанные в разные годы.

За исключением рассказов «Здоровье больных» и «Конец игры» все произведения печатаются в новых переводах, специально подготовленных для настоящего издания.

Все переводы, составившие книгу, выполнены Элой Владимировной Брагинской.

Содержание

Хулио Кортасар

Закатный час Мантекильи

Такое мог придумать только наш Перальта – вот голова! – в подробности, он, как всегда, не вдавался, но на этот раз был откровеннее, чем обычно и сказал, что это вроде истории с похищенным письмом ¹. Эстевес поначалу ничего не понял и выжидающе уставился на Перальту, а дальше что? Но Перальта пожал плечами, словно отмахнулся, и сунул ему билет на бокс. Эстевес увидел красную цифру 3, выведенную на желтом, но первое – что схватили глаза – еще бы! – это МОНСОН – НАПОЛЕС ², печатными буквами.

– Второй билет передадут Вальтеру. Ты придешь до начала (Перальта никогда не повторял дважды свои указания, и Эстевес ловил каждое слово). А Вальтер явится посреди-не первого предварительного боя, его место рядом, справа от тебя. Будь начеку: в последние минуты начнется суетня, каждый норовит сесть поближе, спроси его что-нибудь по-испански – для верности. У него будет сумка, холщовая, как

¹ Здесь, скорее всего, отсылка к рассказу Эдгара По «Похищенное письмо». По сюжету письмо находилось у всех на виду, но его никак не могли найти.

² Монсон, Карлос (р. 1942 г.) – аргентинский боксер, чемпион мира 1970 г. Наполес, Хосе (р. 1940 г.) – кубинский боксер, получивший прозвище «Мантекилья» (*йен.* сливочное масло) чемпион мира, 1969 и 1971 гг.

у хиппи, он поставит ее между вами на скамейку, а если ступля – на пол. Говори только о боксе, и чтоб ухо остро – вокруг наверняка будут мексиканцы или аргентинцы, проверься, прежде чем опустить пакет в сумку. Вальтер знает, что сумку надо открыть заранее? – спросил Эстевес. Да, глядя вбок, словно сдувая с лацкана муху, сказал Перальта, но не спеша, сделай это ближе к концу, когда по сторонам не глазят. Когда на арене Монсон, по сторонам не глазят, сказал Эстевес. Когда Мантекилья – тоже, сказал Перальта. И, чтоб без лишнего трепса, запомни. Вальтер уйдет первым, а ты – как схлынет толпа, через другой выход.

Он снова провернул все в голове, пока ехал в метро до станции «Дефанс», на бокс, куда, судя по всему, ехали и остальные, в основном мужчины, по двое, по трое, все больше французы, озабоченные поражением своего идола – Буттье³, которого дважды уделал Монсон, надеются небось на реванш, хоть какой-никакой, а может, втайне уже смирились. Нет, Перальта – гений, дело серьезное, это само собой, раз он поручил это ему, но зато попаду на матч, который по карману разве что миллионерам. До него наконец дошел намек про похищенное письмо, кому стукнет в голову, что они с Вальтером встретятся на боксе, дело не в самой встрече, ее можно устроить в любом уголке Парижа, тысячи подходящих – но главное, как тщательно все взвесил и продумал Перальта. Для тех, кто мог бы держать их на крюке, самые привычные

³ Буттье, Жан-Клод (р. 1943 г.) – французский боксер, чемпион Европы 1971 г.

места – кафе, кино, частные квартиры, но если они ткнутся сюда, в это шапито, поставленное Аленом Делоном – дудки, их номер не пройдет: матч на звание чемпиона мира, шутка ли! – попрутся все, кто при деньгах, одного престижа ради, и вход только по этим желтеньким билетам, а они, как пишут газеты, распроданы еще на прошлой неделе. И еще – опять же спасибо Перальте! – если вдруг хвосты за ним или за Вальтером, их не увидят вместе ни на выходе, ни у входа, подумашь, два обыкновенных болельщика среди тысяч и тысяч, которые вываливаются клубами дыма из метро, автобусов, и чем ближе к началу, тем гуще валит толпа, и все в одном направлении – к шапито.

Ловкач этот Ален Делон! Огромный шапито стоит прямо на пустыре, и пройти туда можно лишь по мосткам, а дальше по дощатым настилам. Ночью лил дождь, и люди шли осторожно, стараясь не оступиться в грязь, и прямо от самого метро, повсюду – огромные цветные стрелы-указатели с яркой надписью: МОНСОН – НАПОЛЕС. Ну шустер этот Ален Делон, позволили наклеить указатели даже на стенах метро, небось заплатил будь здоров; Эстевесу не по душе этот выскочка – ишь, всемогущий, – организовать за свои деньги матч на звание чемпиона мира, поставить эту брезентовую громадину и поди знай, какой куш сорвал с заявочных взносов, но вообще-то

– молодец: Монсон и Наполес – слов нет, а цветные указатели, да еще в самом метро, широкий жест, вот, мол, как я

встречаю болельщиков, а то бы не миновать давки у выходов и на раскисшей глине пустыря.

Эстевес пришел в самое время: зал только заполнялся. Остановившись у дверей, он глянул по сторонам: полицейские фургоны, огромные, освещенные снаружи трейлеры с зашторенными окнами, придвинутые вплотную к крытым проходам, которые вели прямо к шипито, как к самолетам в аэропортах. Там, скорее всего, боксеры, подумал Эстевес, в том белом, новеньком, наверняка наш Карлитос, он такого и заслуживает, а трейлер Наполеса, наверно, с другой стороны, тут все продуманно и в то же время на скорую руку, еще бы, такая махина из брезента, прицепы на голом, заброшенном пустыре. Вот как делают деньги, грустно вздохнул Эстевес, главное – мозги и хватка, че!

Его ряд, пятый от зоны ринга, отгороженной канатом, – длинная скамья с крупно нарисованными номерами, похоже, радушие Делона иссякло на этом пространстве, все, как в самом плохоньком цирке, впрочем, молоденькие билетерши в немислимых мини разом заставят забыть, где что не так. Эстевес сразу понял, куда идти, но девочка, сияя улыбкой, проводила его до места, будто он отродясь не учился арифметике. Усевшись, Эстевес развернул пухлую газету и подумал, что потом положит ее под себя. В голове пронеслось: Вальтер сядет справа, пакет с деньгами и бумагами в левом кармане пиджака, в нужный момент он вытащит его правой рукой, тотчас – на колени и тут же в раскрытую сум-

ку.

– Время тянулось, и Эстевес ушел в мысли о Марисе и малыше, должно быть, кончают ужинать, сын, наверно, полуспит, а Мариса уткнулась в телевизор. А ну как показывают эту встречу, и она ее смотрит, он, разумеется, промолчит, не скажет, где был, разве потом, когда все образуется. Эстевес лениво листал газету (если Мариса досмотрит все до конца, то попробуй удержишь, когда она станет рассуждать о Монсоне и Наполесе, вот умора!), и, пока пробежал глазами сообщения о Вьетнаме и криминальную хронику, зал почти наполнился, позади горячо спорили о шансах Наполеса какие-то французы, слева уселся странный фендрик, он слишком долго и с явным ужасом разглядывал скамью, опасался, видимо, замарать свои безупречные синие брюки. Впереди расположились парочки, несколько шумных компаний, трое тархтели по-испански, пожалуй с мексиканским выговором; Эстевес, правда, не очень разбирался в акцентах, но уж кого-кого, а мексиканских болельщиков здесь полно: их Наполес ⁴ – ты подумай! – замахнулся на корону самого Монсона. Справа от Эстевеса пустовало несколько мест, однако у входов уже сбивались толпы и расторопные билетерши каким-то чудом поддерживали порядок. Эстевесу показалось, что слишком резко освещен ринг и слишком много поп-музыки, но публика, похоже, ничего не замечала, те-

⁴ Мексиканские болельщики считали Наполеса своим боксером, поскольку Куба и Мексика расположены в одной географической зоне.

перь все с интересом следили за первым предварительным выступлением – бой очень слабый, без конца опасные движения головой и клинчи; в ту минуту, когда рядом сел Вальтер, мысли Эстевеса были заняты тем, что в зале, по крайней мере возле него, нет настоящих знатоков бокса, так, профаны, снобы, им все сойдет, им – лишь бы увидеть самого Монсона.

– Простите, – сказал Вальтер, с трудом вклиниваясь между Эстевесом и толстухой, почти лежавшей на коленях мужа, тоже раскормленного толстяка, который следил за боксерами с понимающим видом.

– Садитесь поудобнее, – сказал Эстевес. – У французов расчет только на худых.

Вальтер усмехнулся, а Эстевес осторожненько – не дай Бог, психанет тип в синих брючках! – поднажал влево; между ним и Вальтером образовался просвет, и Вальтер переложил синюю сумку с колен на скамью. Шел второй предварительный бой – тоже никудышный, и внимание публики переключилось на зал, где появилась большая группа мексиканцев в огромных шляпах-чарро, но при этом одетых с иголочки, а что? – таким богатеям раз плюнуть – зафрахтовали целый самолет и прилетели прямо из Мексики ради своего кумира Мантекильи. Все коренастые, приземистые, задницы отклячены, а лицами смахивают па Панчо Вилью, уж слишком фольклорные, кричат, спорят, бросают вверх соломенные чарро, будто их Наполес уже на ринге, и никак не расся-

дутся в зоне ринга. Ален Делон, вот лиса, все предусмотрел: из динамиков тут же хлынуло нечто похожее на мексиканское корридо ⁵, хотя мексиканцы, вроде, не узнали родную музыку. Эстевес с Вальтером усмешливо переглянулись, и в этот миг из дверей напротив с воплем «Арген-тина, Аргентина!» вломилась целая толпа, впереди пять-шесть женщин, дородных тетех в белых свитерах, а за ними взметнулся огромный национальный флаг. Вся орава, тесня в стороны билетерш, подалась вниз – к самому рингу, наверняка на чужие места. Продолжая орать, они как-то выстроились, и роскошные девочки в мини с помощью улыбающихся молодчиков с крепкими затылками повели их к двум свободным скамьям, что-то объясняя на ходу. На внушительных спинах аргентинок густо чернело крупными буквами – МОНСОН. Все это донельзя потешало публику. Большинству в зале без особой разницы, из какой страны боксеры, все равно – не французы. Третья пара работала плотно, упорно, хотя Ален Делон, поди, не очень затратился на это мелочье, на плотву. Какой смысл, если в трейлерах ждут своего часа две настоящих акулы и ради них, разумеется, все и пришли.

Вдруг что-то разом стронулось в душе Эстевеса и к горлу подкатил комок: из динамиков поплыло танго, играл хороший оркестр, может и самого Освальдо Пуглиесе ⁶. Вот те-

⁵ Корридо – народная мексиканская песня-танец.

⁶ Пуглиесе, Освальдо (1905 – 1995) – аргентинский композитор, новатор в оркестровой аранжировке танго.

перь Вальтер глянул на него цепко и с симпатией; Эстевес встрепенулся: может, соотечественник. Они, по сути, словом не перекинулись, так, два-три замечания насчет боксеров, нет, пожалуй, он уругваец или чилиец, но никаких вопросов, Перальта объяснил – яснее нельзя: сидели рядом – раз, оба – вот случай! говорят по-испански – два, и аут, точка!

– Теперь начнется самое оно! – сказал Эстевес.

Все повскакали с мест, несмотря на негодующие крики и свист, в левой стороне – рев, шквал аплодисментов, летящие вверх соломенные шляпы, Мантекилья вбегает на ринг, и свет прожекторов становится как бы ярче, но теперь все головы повернулись вправо, где пока ничего не происходит, на смену овациям – накат выжидательного гула; Вальтеру и Эстевесу не виден проход к другому углу ринга, внезапная тишина, и за ней – многоголосый вопль, да, теперь они оба видят белый халат у самых канатов: Монсон спиной к ним переговаривается со своими, Наполес направляется к нему, едва заметный приветственный кивок под вспышки магния, судья ждет, когда чуть опустят микрофон. Понемногу зрители усаживаются, лишь одинокая шляпа отлетает далеко в сторону, и кто-то забавы ради кидает ее обратно – запоздалый бумеранг без единого отклика, потому что началась торжественная часть – представления, приветствия, Жорж Карпантье ⁷, Нино Бенvenuti ⁸, французский чемпион Жан Клод

⁷ Карпантье, Жорж (1894 – 1975) – знаменитый французский боксер, чемпион мира и чемпион Европы.

Бутгье, аплодисменты, фотокамеры, вскоре ринг пустеет, величественный звуки мексиканского гимна, снова в воздухе шляпы, и, наконец, опережая аргентинский гимн, взвивается огромный сине-белый флаг. Эстевес с Вальтером сидят не шелохнувшись, но у Эстевеса холодок в груди, нет, он не вправе, это было бы оплошкой, ненужным риском, ладно хоть увидел, что поблизости нет аргентинцев, а те с флагом поют последние строки гимна, и сине-белое полотнище так сильно ходит из стороны в сторону, что туда устремились встревоженные молодчики-гориллы. Голос объявляет имена и весовые категории, секунданты за ринг!

– Чья возьмет, как думаешь? – спрашивает Эстевес. Он по-мальчишески поддался волнению, занервничал в тот миг, когда перчатки боксеров приветственно прикоснулись друг к другу, Монсон встал в стойку, вроде бы раскрыт, значит не в защите, руки длинные, как плети, худые, и сам чуть не щуплый рядом с Мантекильей, этот пониже, крепыш, вон уже сделал два пробных удара.

– Я люблю вот таких отчаянных, бросил вызов самому чемпиону, – сказал Вальтер, а сзади француз кому-то жарко втолковывает: преимущество Монсона – это рост; опять пробные удары. Н-да, значит, ему нравятся отчаянные, будь он аргентинец, не сказал бы такого, но выговор? наверно уругваец, спрошу у Перальты, хотя тот не скажет. Одно ясно – Вальтер во Франции недавно: когда толстяк, обнимавший

⁸ Бенвенути, Нино (р. 1938) – итальянский боксер, чемпион мира 1967 года.

жену, обратился к нему, тот ответил так невнятно, что француз досадливо поморщился и заговорил с сидящим впереди. Удар у Наполеса жесткий, точный, с тревогой подумал Эстевес, дважды Монсона отбросило назад, и он чуть-чуть опоздал с ответом, – Эстевес заметил – не иначе как оба удара его достали; похоже, Мантекилья понял, что его единственный шанс – удар, что «фехтовать» с Монсоном, – а это был его конек, – без толку, Монсон ловкий, быстрый, уходит нырками, и кулак Наполеса при его прославленной резкости все время повисает в пустоте, Монсон – раз, еще раз, прямо в лицо противнику, а француз сзади, уже распалаясь: видите, видите, как ему помогают руки; второй раунд, пожалуй, остался за Наполесом, зал притаился, там-тут, как бы некстати, раздавались одинокие выкрики, в третьем раунде Мантекилья выкладывался еще больше, ну ладно, подумал Эстевес, сейчас наш Карлитос покажет, а Монсон, отжавшись от канатов, гибким ивовым прутом летит вперед, удар левой-правой, и стремительно входит в клинч ⁹, чтобы оторваться от канатов, и жесткий обмен ударами до конца раунда, мексиканцы все как один стоят, сзади них вой, свист, все повскакали с мест – видеть, видеть, не пропустить!

– Красивый бой, че! – сказал Эстевес. – То что надо.

– Угу.

Оба одновременно вынули сигареты и, улыбаясь, протя-

⁹ Клинч – положение в боксе, когда боксер или оба боксера зажимают одну или две руки противника.

нули друг другу, щелкнула зажигалка Вальтера, и Эстевес, прикуривая, пробежал взглядом по его профилю и тут же посмотрел ему в глаза, ничего приметного: волосы с сединой, а на вид совсем молод, в джинсах, в коричневой спортивной рубашке. Студент, инженер? Один из многих, кто выдрался оттуда, но не сложил оружия, наверно погибли друзья в Монтевидео или в Буэнос-Айресе, а может, и в Сантьяго, расспросить бы Перальту, а зачем, им не свидетелься больше, у каждого свой путь, разве что вспомнят когда-нибудь Мантекилью и этот вечер, а Наполес в пятом раунде уже шел ва-банк, все стояли, вопили, бесновались, аргентинцев и мексиканцев смыли волной французы – этим главное бокс, а не боксеры, наметанным глазом они ловили малейшее движение, игру ног, Эстевес вдруг понял, что большинство зрителей следят за борьбой с полным знанием дела, если не считать немногих болванов, которых приводят в восторг красивые, эффектные, но бесполезные удары, и которые ни бельмеса не смыслят в том, что происходит на ринге, где по-прежнему мелькает Монсон, ведет бой на разных дистанциях, наращивая темп, за которым все заметнее не поспевает Мантекилья; он отяжелел, оглушен и уже лезет в драку напролом, а в ответ гибкие, как ива, длинные руки Монсона, тот снова отжимается от каната, и раз, раз – град ударов сверху, снизу, точные, сухие. Когда зазвучал гонг, Эстевес снова взглянул на Вальтера, который полез за сигаретами.

– Что ж, не судьба, – сказал Вальтер, протягивая сигареты,

когда не можешь – не можешь.

Говорить в таком грохоте было бессмысленно, зрители понимали, что следующий раунд, скорее всего решающий, болельщики подбадривали На-полеса – точно прощаются с ним навсегда, – подумал Эстевес с искренним сочувствием, теперь-то Монсон открыто нападал, шел на противника – двадцать нескончаемых минут хлесткими ударами прямо по лицу, по корпусу Наполеса, а тот все пытается войти в клинч, точно бросается в воду, зажмурился глазами. Всё, больше не выдержит, подумал Эстевес и, оторвав через силу взгляд от ринга, покосился на сумку. Сделай сейчас, когда все станут усаживаться, а то потом снова встанут, и сумка опять будет сиротливо торчать на скамейке, два сильных удара левой в лицо Наполеса, тот снова хочет войти в клинч, но Монсон, проворняга, мгновенно меняет дистанцию, уходит и, рванувшись вперед, бьет хорошим крюком в лицо, теперь смотри – ноги, главное – ноги, уж в этом Эстевес разбирается, вон как отяжелел, сел на ноги бедный Мантекилья, с трудом отрывается от каната, но где его прославленная четкость? А Монсон танцует, кружит по рингу, вбок, назад, прекрасный ритм, и – раз! – решающий удар правой прямо в солнечное сплетение! Гонг, едва различимый в истошном взреве, Эстевес с Вальтером – да! Вальтер сел, выровнял сумку, а Эстевес, опустившийся секундой позже, молниеносно сунул в нее пакет и, подняв пустую руку, с жаром замахал перед самым носом франта в синих брючках, который, похоже, мало

что смыслил в том, что творится на ринге.

– Вот что значит чемпион! – тихо сказал ему Эстевес, уверенный, что в таком шуме все равно ничего не услышишь – Карлитос, язви их...

Он посмотрел на Вальтера, который спокойно курил, что ж, смирись, куда деваться, не судьба, – так не судьба. К началу седьмого раунда все стояли в ожидании гонга, и вдруг обостренная, натянутая тишина, а за ней – слитный вопль: на ринг выброшено полотенце. Наполес как пришит к своему углу, а Монсон выбегает на середину, победно вскидывая над головой перчатки, – вот это чемпион! – он приветствует публику и тут же тонет в водовороте объятий, вспышек магия, толпы. Финал не слишком красивый, но бесспорный. Мантекилья сдался, и правильно, зачем превращаться в боксерскую грушу Монсона, да, это полный провал, это – закатный час Мантекильи, который подходит к победителю и как-то ласково подымает перчатки к его лицу, а Монсон кладет свои ему на плечи, и они расходятся, теперь – навсегда, думает Эстевес, на ринге им не встречаться.

– Отличный бой! – сказал он Вальтеру, который, закинув сумку за плечо, покачивался на ногах, точно они одеревенели.

– Слишком поторопились, – сказал Вальтер. – Секунданты, наверно, не пустили Напо-леса.

– А чего ради? Ты же видел, как он «поплыл». Наполес – умный боксер, че, сам понял.

– Да, но таким, как он, надо держаться до конца, мало ли!

– С Монсоном не бывает никаких «мало ли»! – сказал Эстевес и, вспомнив о наставлениях Пе-ральты, приветливо протянул руку: – был очень рад...

– Взаимно. Всего доброго.

– Чао!

Он проводил глазами Вальтера, который двинул вслед за толстяком, громко спорившим о чем-то со своей женой. А сам пошел позади типа в синих брючках, явно никуда не спешившего; в конце концов их отнесло влево, к проходу. Рядом кто-то спорил о техничности боксеров, но Эстевес загляделся на женщину – она обнимала не то мужа, не то друга, что-то крича ему в самое ухо, обнимала, целовала в губы, в шею. Если этот мужик не полный идиот, усмехнулся про себя Эстевес, сразу поймет, что целуют не его, а Монсона. Пакет не оттягивал больше карман пиджака, можно вздохнуть повольготнее, посмотреть по сторонам, вон как прильнула к своему спутнику молодая девушка, а вон те мексиканцы, и шляпы вроде не такие уж большие, аргентинский флаг наполовину свернут, но поднят над головами, два плотненьких итальянца понимающе переглядываются, и один торжественно говорит: «Gliel'a messo in culo»¹⁰, а другой полностью согласен с этим кратким резюме; И дверях толкотня, люди устало шагают по дощатым настилам в холодной темноте, мелкий дождик, мостки проседают под тяжестью ног, а

¹⁰ Вставил перо в задницу (*um.*).

в конце, привалившись к перилам, курят Перальта и Чавес, они как застыли: уверены, что Эстевес заметит, не выказывая удивления, а просто подойдет, как подошел, вынимая на ходу сигареты.

– Он его отделал! – сказал Эстевес.

– Знаем, – ответил Перапьята. – Видели.

Эстевес глянул удивленно, но Перальта с Чавесом отвернулись и пошли с мостков прямо в толпу, которая заметно редела. Эстевес понял: надо следовать за ними, увидел, как они пересекли шоссе, ведущее к метро, и свернули в плохо освещенную улочку. Чавес лишь раз оглянулся – не потерял ли их Эстевес, а потом оба прямиком направились к машине и сели в нее тут же, но не выказывая торопливости. Эстевес сел сзади, рядом с Перальтой, и машина рванула в южную сторону города.

– Выходит, ты был?! – сказал Эстевес. – Вот не думал, что тебе нравится бокс.

– Гори он огнем! – сказал Перальта. – Хотя Монсон стоит всех денег. Я пришел на всякий случай, подстраховать тебя, если что.

– Стало быть, ты видел. А Вальтер, бедняга, болел за Наполеса...

– Это был не Вальтер.

Машина по-прежнему шла к югу. Какое-то седьмое чувство подсказало Эстевесу, что они едут не к площади Бастилии, но это мелькнуло подспудно, где-то в самой глупи, в эту

секунду его словно ослепило взрывом, будто сам Монсон нанес удар прямо в лицо ему, а не Мантекилье. Не было сил спросить, он молча смотрел на Перальту и ждал.

– Мы не смогли тебя предупредить, – сказал Перальта. – Ты, как назло, ушел раньше времени, и, когда мы позвонили, Мариса сказала, что тебя нет и она не знает, когда ты вернешься.

– Захотелось немного пройтись пешком, – сказал Эстевес. – Но объясни...

– Всё к чертям, – сказал Перальта. – Вальтер позвонил утром прямо из Орли, как прилетел, мы ему сказали, что делать, он подтвердил, что билет на бокс – у него, словом, все вроде путем. Договорились, что перед уходом он позвонит от Лучо, для верности. В половине восьмого – никакого звонка, мы звоним Женевьеве, она перезванивает и сообщает, что Вальтер даже не заходил к Лучо.

– Они стерегли его на выходе в аэропорту, – подал голос Чавес.

– Но кто же тогда... – начал Эстевес и осекся, он все понял, холодный пот, выступивший на шее, потек за ворот, желудок свело судорогой.

– За семь часов они вытянули из него, что хотели, – сказал Перальта. – Доказательство налицо – этот тип до тонкости знал все. Ты же представляешь их работу, даже Вальтер не выдержал.

– Завтра или послезавтра его найдут на каком-нибудь пу-

стыре, – устало и отрешенно прозвучал голос Чавеса.

– Какая теперь разница, – сказал Перальта. – До прихода в шапито я успел всех предупредить, чтобы сматывали удочки. У меня, понимаешь, еще была слабая надежда, когда я примчался в этот растреклятый цирк, но мужик уже сидел рядом с тобой, и куда деваться.

– Но после, – спросил Эстевес, – когда он пошел с деньгами?

– Ясно, что я – следом.

– А до этого, раз ты уже знал?

– Куда деваться, – повторил Перальта. – Пойми он, что завалился, ему – крышка. Устроил бы такое, что и нас бы замели всех, сам знаешь, кто их опекает.

– Ну и дальше?

– Снаружи его ждали трое, у одного было какое-то удостоверение, короче, я опомниться не успел – а они уже в машине, где отгороженная парковка для дружков Делона и богатеев, а кругом до черта полицейских. Словом, вернулся на мостки, к Чавесу, вот и все. Ну, запомнил номер машины, а на хрена?

– Мы едем за город? – спросил Эстевес.

– Да, в одно местечко, где поспокойнее. Тебе, надеюсь, ясно, что теперь проблема номер один – ты.

– Почему я?

– Потому что молодчик знает тебя в лицо, и они все силы положат, найдут и под землей. А у нас ни одной крыши, по-

сле того, что случилось с Вальтером.

– Выходит, мне уезжать? – спросил Эстевес. И сразу пронзило: как же Мариса, малыш, как увезти их с собой, где оставить, мысли путались, мелькали, точно деревья в этом ночном лесу, и настойчиво жужжало в голове, будто толпа все еще ревет: «Монсон, Монсон!» А как она ошалело смолкла, когда на середину ринга упало полотенце! То был закатный час Мантекильи, бедный старик... И мужик тот болел за него, надо же, за неудачника, ему бы в самый раз болеть за Монсона, который забрал все деньги и ушел, как он, не оборачиваясь, показав противнику спину. Еще раз унижил Наполеса, беднягу с рассобаченной мордой, такое потерпел поражение... Надо же – протянул руку, «был очень рад...» Машина затормозила среди деревьев, и Чавес выключил мотор. В темноте вспыхнула сигарета – закурил Перальта.

– Стало быть, мне уезжать! – повторил Эстевес. – В Бельгию, наверно, ты же знаешь, кто там.

– Если доберешься, считай, что спасен, – сказал Перальта. – Но вон, что вышло с Вальтером, у них всюду люди, и выучка – будь здоров.

– Меня не схватят!

– А Вальтер? Кто думал, что его схватят и расколют. Ты-то знаешь побольше Вальтера, вот что худо.

– Меня не схватят! – повторил Эстевес. – Но пойми, надо подумать о Марисе, о парне, раз такой провал. Их нельзя оставить здесь, они прикончат Марису просто из мести. За

день я управлюсь, все устройю и увезу их в Бельгию, там уви-
жусь с самим, а потом соображу, куда двинуть.

– День – слишком много, – сказал Чавес, оборачиваясь к
ним. Глаза Эстевеса, привыкшие к темноте, различили его
силуэт и лицо Перальты, когда тот затянулся сигаретой.

– Хорошо, я уеду, как только смогу! – выдохнул Эстевес.

– Прямо сейчас, – сказал Перальта и вынул пистолет.